

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Пифагорейцы, Ксенофан и Гераклит

Цель – анализ философии Пифагора и его последователей, философии Ксенофана и философии Гераклита.

План

1. Философия пифагорейцев.
2. Философия Ксенофана.
3. Философия Гераклита.

Ключевые слова: любители мудрости, философские сообщества, гармония Вселенной, переселение души, земля как первоначало, космос и логос, огонь как первоначало.

Данная лекция посвящена философии Пифагора и его последователей, философии Ксенофана и философии Гераклита, рассмотренным Энтони Кенни в первой главе его книги.

Пифагор делил с Фалесом заслугу за введение философии в греческий мир. Он родился на острове Самос у берегов Малой Азии, около 570 г. до н. э. За несколько месяцев до рождения ребенка отец Пифагора с женой были в Дельфах и, как тогда было принято, обратились за советом в делах к Пифии (пророчице). К их удивлению, Пифия начала говорить, что у них скоро родится сын, который будет выделяться среди всех красотой и мудростью и принесет человеческому роду величайшую пользу. Из-за этого предсказания ребенок получил имя Пифагор, что буквально означает: «Тот, о ком объявила Пифия». Действительно, мальчик, помимо прекрасного облика, был одарен столькими достоинствами, что уже в юном возрасте удостоивался почтения и уважения со стороны старших. В 18 лет тайно от всех он переезжает в Милет, где становится учеником Фалеса и еще двух мудрецов. Через некоторое время учителя Пифагора признали, что им больше нечему его учить, что за более высокими и глубокими знаниями он должен отправиться в Египет. Юноша покидает Грецию и отправляется в Египет. Жрецы Мемфиса приняли его сначала очень неохотно. Египетские мудрецы не доверяли грекам, считая их непостоянными и легкомысленными. Они сделали все, чтобы лишить бодрости молодого самосца, но он подчинился с непоколебимым терпением и мужеством всем препятствиям и испытаниям. Он знал, что Божественное Знание приобретает лишь после того, как воля победит низшее существо человека. Когда египетские жрецы увидели в нем необычайную силу души и ту сверхличную страсть к мудрости, которая появляется так редко в этом мире, они открыли перед ним все сокровища своего опыта. У них он глубоко изучил математику и священную науку чисел. Позже, в Вавилоне, Пифагор познакомился с учением персидских магов, владевших практическими оккультными знаниями. Он был посвящен в ритуалы греческих жрецов острова Крит. Их испытания носили предельно жесткий и беспощадный характер, но и из них он вышел достойным победителем.

В возрасте 40 лет эмигрировал в Кротон, город в Южной Италии. Там он принял ведущее участие в политических делах города, пока не был изгнан из-за насильственной революции около 510 года до нашей эры. Пифагор переехал в соседний Метапонте, где и умер на рубеже веков.

Во время своего пребывания в Кротоне Пифагор основал религиозное сообщество, которое пережило его, пока не было разгромлено около 450 г. до н. э. Ему приписывают изобретение слова «философ»: вместо того, чтобы претендовать на роль мудреца (*sophos*), Пифагор скромно сказал, что он лишь любитель мудрости (*philosophos*). Детали жизни Пифагора насыщены легендами, но достоверно ясно, что он практиковался и в математике, и в мистике. В любом случае, его интеллектуальное влияние, подтвержденное или подразумеваемое, было сильным в древности, от Платона до Порфирия.

Пифагорейцы обнаружили, что существует связь между музыкальными интервалами и числовыми соотношениями, и пришли к убеждению, что изучение математики является ключом к пониманию структуры и порядка Вселенной. Астрономия и гармония, по их словам, были родственными науками. Однако пифагорейская арифметика была слишком переплетена

с числовой мистикой, чтобы содействовать подлинному научному прогрессу. Кенни обращает внимание на то, что научные достижения Античности, например, зоология Аристотеля или медицина Галена, были совершены без использования математики.

Философское сообщество Пифагора в Кротоне было прообразом большинства объединений философов. За ним последовали Академия Платона, Ликей Аристотеля, сад Эпикура и многие другие. Некоторые такие общины являлись юридическими лицами, другие были менее формальными, некоторые напоминали современные исследовательские институты, другие были больше похожи на монастыри. У сподвижников Пифагора было общее имущество, они проживали под сводом аскетических и обрядовых правил, часть из которых звучит весьма забавно. Например, не подбирайте крошки, не тыкайте в огонь мечом, всегда надевайте правый башмак перед левым, и так далее. Пифагорейцы не были полными вегетарианцами, но избегали определенных видов мяса, рыбы и птицы. Как вы думаете, что еще запрещалось пифагорейцам принимать в пищу? Правильно, бобы. Кенни отмечает, что это был наиболее известный запрет у пифагорейцев. Пифагор высоко оценивал вегетарианство, и таким его представлял Рубенс.

Правила питания были связаны с убеждениями Пифагора о душе. Он верил, что душа не умирает вместе с телом, а переселяется в другое место, возможно, в тело животного. Некоторые пифагорейцы распространили эту веру в трехтысячелетний космический цикл: человеческая душа после смерти входит последовательно в землю, море, воздух, и, наконец, возвращается в человеческое тело, чтобы повторить себя в истории. Последователи Пифагора верили, что он, после своей смерти, стал Богом. Они писали биографии Пифагора, полные чудес, приписывая ему второе зрение, золотое бедро, и что он был сыном Аполлона. Более достоверно, что выражение «Ipse dixit», означающее «Сам сказал», было придумано в честь Пифагора.

Смерть Пифагора и упадок Милета привели к концу первой эпохи досократической мысли. В следующем поколении мы встречаем мыслителей, которые являются не только потенциальными учеными, но и философами в современном понимании этого слова. Ксенофан (570–470 до н. э.) из Колофона (город недалеко от современного Измира, в ста милях к северу от Милета), был выслан из родного города, когда ему было за двадцать, и стал бродячим менестрелем. Ксенофан пел песни на свои и чужие стихи, пел о вине и об играх, но наиболее популярными стали его философские стихи, которые читаются и сегодня.

Как и представители милетской школы, Ксенофан выдвинул собственную космологию. Основной стихией, утверждал он, были не вода, и не воздух, а земля. «Все сущее с земли и на земле все заканчивается». Кенни отмечает, что его учение напоминает христианское отпевание «Помни, человек, ты – только прах, и к праху ты вернешься». В чувственно-физическом мире начало по Ксенофану – земля, корни которой простираются в бесконечность. Ксенофан полагал, что земля появилась из моря. В качестве аргументов он ссылался на то, что в отдалении от моря находят раковины, а на камнях – отпечатки рыб и растений. Кенни называет это своеобразным интересным вкладом Ксенофана в науку.

Предположения Ксенофана о небесных телах не менее впечатляющи. Поскольку он верил, что земля простирается под нами до бесконечности, он не мог принять положение, что солнце опускается ниже земли, когда оно садится. Ксенофан выдвигает новое и гениальное объяснение – солнце является новым каждый день. Оно появляется каждое утро из крошечных искр, а позже исчезает в бесконечности. Из этой теории следует, что есть бесчисленное множество солнц, так же, как есть бесчисленное количество дней, потому что мир длится вечно, даже если он проходит через водные и земные фазы. Хотя космология Ксенофана является необоснованной, она отличается натурализмом. Она свободна от анимистических и полурелигиозных элементов, в отличие от космологии других ранних греческих философов.

Ксенофан был самым богословским из всех пресократиков, – считает Кенни. Исходной точкой философии Ксенофана, по-видимому, являлась та смелая критика греческой веры в богов, в силу которой он занимает столь выдающееся место в истории религии. Человеческий образ богов и недостойность рассказов о них Гомера и Гесиода вызывает его насмешки и негодование. Ксенофан находит уже их множественность несоединимой с более чистым понятием о Боге. Лучшее, говорит он, может быть лишь единым; никто из богов не может находиться под властью другого. Столь же мало мыслимо, чтобы боги возникли или чтобы они переходили из одного места в другое. Итак, существует лишь единый Бог, «несравнимый со

смертными ни по образу, ни по мыслям»; «весь он есть око, весь – ухо, весь – мышление» и «без усилия властвует над всем своей мыслью». Но с этим божеством для Ксенофана совпадает мир: «Озирая небосвод, он нарек единое (или, как говорит Теофраст, единое и всецелое) божеством». Это единое божественное существо вечно и неизменно; ограничено ли оно или безгранично – об этом Ксенофан не высказывался. Скорее в иной связи он мог говорить о безграничности воздушного пространства или глубины Земли и, с другой стороны, о шарообразной форме неба, не исследуя, как то и другое согласуется, и не соотнося эти суждения с божественным существом. Вероятно также и то, что он признавал мир невозникшим и непреходящим; при этом, однако, Ксенофан мог иметь в виду лишь вещество мира, ибо о мироздании он этого не признавал. По его учению, Земля возникла из моря (он доказывал это из наблюдавшихся им окаменелостей) и временами снова погружается в море; солнце же и звезды он считал горящими испарениями, которые ежедневно вновь образуются. Вместе с Землей должен погибнуть и человеческий род, и вновь возникнуть из нее при ее возрождении.

Если позднейшие греческие скептики причисляли Ксенофана к своим единомышленникам, то при этом они могли ссылаться на его изречения, говорящие о недостоверности и ограниченности человеческого знания. Однако, догматическая форма его учения свидетельствует, как далеко он все же стоял от принципов скепсиса.

Хотя Ксенофан презирал народные суеверия и защищал строгий и изощренный монотеизм, он не был догматиком ни в богословии, ни в физике. «Бог не говорил нам, смертным, когда началось время. Только через длительные поиски знания приходят к человеку», – утверждал Ксенофан. Богословские воззрения Ксенофана Энтони Кенни рассматривает в девятой главе своей книги.

Последним и самым известным из ранних ионических философов был Гераклит (544–483 гг. до н. э.). Он жил в великой метрополии Эфеса, на полпути между Милетом и Колофоном. Сохранились более существенные, чем у любого предыдущего философа, части его работ, но это вовсе не означает, что его легче понимать. Еще в древности Гераклита было очень тяжело понять. Его прозвали «Загадочным» и «Темным». Его фрагменты принимают форму содержательных афоризмов, которые часто неясны и иногда намеренно неоднозначны. Кенни считает, что, возможно, Гераклит подражал стилю оракула Аполлона, который, по его словам, «не говорит, и не скрывает, но жестикулирует». Отсюда пытаются выводить причины сложного осознания читателями его произведений, а также «темноты» философии Гераклита (определенные жизненные и общественные обстоятельства побудили к развитию пессимистического восприятия философом жизненных событий. Древние также называли Гераклита «плачущим»). «Темнота» стиля Гераклита тесно связана не только с формой изложения, но и со смыслом. Философ, пытаясь словесно воспроизвести обозримую им истину, пользовался сочетанием противоречивых, противоположных по значению понятий. Этим приемом он намеревался отразить противоречивую сущность уже самих вещей, предметов объективного мира.

«То, что я понимаю, отлично, – говорит Сократ о текстах Гераклита. – То, что я не понимаю, может быть также превосходным; но для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком», – сказано у Диогена Лаэртского. Делосские ныряльщики славились умением достигать глубин, недоступных многим.

Немецкий идеалист Гегель, который был большим поклонником Гераклита, использовал ту же морскую метафору, чтобы выразить противоположное суждение. «Нет ни одного предложения Гераклита, которое я не принял бы в свою собственную логику», – пишет Гегель.

Гераклит, подобно Декарту и Канту в более поздние века, считал себя совершенно новым началом в философии. Он считал работу предыдущих мыслителей бесполезной, но, как и Декарт с Кантом, Гераклит был под влиянием своих предшественников гораздо больше, чем осознавал.

Что касается космологии Гераклита, то все, говорил он, находится в движении, и ничего не остается неподвижным; мир подобен струящемуся потоку. Мы не можем войти дважды в одну и ту же воду, в виду того, что вода в эти два момента не одна и та же. Бушующий огонь, даже больше, чем поток, является парадигмой постоянного изменения. Гераклит однажды сказал, что мир – вечно живой огонь: море и земля – прах этого вечного костра.

Мир существует, не созданный богами или людьми, но управляемый Логосом. Гераклит утверждал, что было бы абсурдно думать, что этот славный космос – просто куча мусора. Логос является повседневным греческим термином для обозначения письменного или устного слова, но, начиная с Гераклита, почти каждый греческий философ придавал Логосу одно или несколько более грандиозных значений. Это понятие часто переводится как причина, или более возвышенно – космический принцип порядка и красоты.

Термин нашел свое место и в христианском богословии, когда автор четвертого Евангелия провозгласил: «В начале был Логос, и Логос был у Бога, и Логос был Бог». Этот универсальный Логос, говорит Гераклит, трудно понять большинству людей. Люди делятся на три класса, в зависимости от отдаленности от рационального огня, который управляет Вселенной. Такой философ, как Гераклит, ближе всех к Логосу и получает больше всего тепла от него; далее идут обычные люди, которые при пробуждении используют свои способности к логическому мышлению, благодаря огню; и, наконец, спящие, – души их заблокированы, и они держат связь с природой только через свое дыхание.

Больше всего Гегель восхищался умением Гераклита гармонизировать противоположности, например, Вселенная, которая одновременно есть делимая и неделимая, сотворенная и несотворенная, смертная и бессмертная. Известный афоризм Гераклита «Путь вверх и путь вниз – одно и то же», – с точки зрения Кенни, звучит очень глубоко. Диоген Лаэртский говорит нам, что последовательность огонь-воздух-вода-земля – это дорога вниз, а последовательность земля-вода-воздух-огонь – дорога вверх. Если рассматривать эти два пути как два этапа непрерывного вечного космического процесса, то можно воспринимать их как единый путь. Гераклит считает, что космический огонь проходит через этапы возгорания и угасания. Основной космический процесс не имеет ни начала, ни конца, но каждый индивидуальный мир имеет цикл возгорания и угасания, который появляется и исчезает вне существования.

Хотя некоторые из досократиков были политически активнее, мы можем утверждать, исходя из текстов Гераклита, что он был первым в основании политической философии. Он действительно не был заинтересован в практической политике. Будучи аристократом, претендующим на звание правителя, Гераклит отказался от этих претензий и передал свое богатство брату. Известны его слова, что он предпочитает играть с детьми, чем беседовать с политиками. Возможно, он был первым философом, который говорил о божественном, а не о физическом законе, о предписывающем законе, который превзошел все человеческие законы.

Энтони Кенни приводит здесь интересный пример. В пьесе Роберта Болта о Томасе Море «Человек на все времена» есть знаменитый отрывок, когда зять Мора Ропер призывает арестовать шпиона в нарушение закона. Мор отказывается это делать: «Я знаю, что законно, а не что правильно, и я буду придерживаться того, что законно». В ответ на обвинения Ропера, что он ставит человеческие законы выше Божьего, Мор говорит: – «Я не Бог, но, в чаще закона, я – лесник». Ропер говорит, чтобы добраться до дьявола, он готов уничтожить все законы. Мор отвечает: «А когда все законы будут уничтожены, и дьявол повернется к тебе, где ты спрячешься – в плоскости беззакония?».

В трудах Мора сложно найти этот диалог, но здесь можно привести два фрагмента Гераклита. «Люди должны защищать законы так же, как они защищают городские стены» и «Все законы человека питаются одним – божественным законом».

Около 15 тысяч слов сохранилось после Гераклита. С точки зрения Кенни, вызывает удивление огромное влияние, которое он оказывал на философов, древних и современных.

В знаменитой фреске Рафаэля «Афинская школа» греческие философы Платон и Аристотель занимают центральное положение, и это правильно и справедливо. Но рисунок, на который сразу же обращается взгляд, является поздним дополнением к фреске – это задумчивая фигура Гераклита в глубокой медитации на самой низкой ступени. Эта фреска, на взгляд Кенни, отражает истинную позицию Гераклита в философии.

Дорогие друзья, мы завершили обзор философии Пифагора и его последователей, а также учений Ксенофана и Гераклита. В следующей лекции мы обратимся к философии элеатов, Эмпедокла, Анаксагора и атомистов. Всего вам доброго. До новых встреч.

Вопросы для закрепления темы

1. Почему считается, что Пифагор ввел понятие «философия»?
2. Что означает имя Пифагор?
3. Что означает выражение «Ipse dixit»?
4. Как Ксенофан объясняет, что первоначалом мира является земля?
5. Почему Кенни утверждает, что Ксенофан – самый богословский философ из всех досократиков?
6. Почему Гераклита прозвали «Загадочным» и «Темным»?
7. Что означает понятие «Логос» в философии Гераклита?
8. Почему первоначалом мира Гераклит считает огонь?
9. В чем суть примера с Томасом Мором, который приводит Энтони Кенни?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Adler, M. Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy. Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль, 1979. 624 стр.